

Л. Г. Гусева

РЕЧЕВОЙ РЕГИСТР СКАЗОВ П. П. БАЖОВА

Творчество большого уральского мастера, нашего земляка Павла Петровича Бажова широко известно в нашей стране и за рубежом благодаря его удивительным былям и сказам, в которых он воспел ум, силу, труд рудознатцев и камнерезов, рудобоев и чеканщиков, жизнь и природу седого Урала. И сделал это так искусно, что его сказы узнаёшь сразу. Их просто невозможно не узнать: так прекрасен и удивительно своеобразен их язык. «В сказе один регистр. Сказовой. В сказе язык того, от имени которого стилизуется сказ. Здесь много звучаний, но регистр один. В нём не может быть светской речи, болтовни гризетки, глаголения проповедника, фейерверка придворного фразёра, тяжеловесных речей такого, как скажем, Татищев, щебета тульской невесты Демидова и возвышенного словопроизводства его самого. Властитель же!» – пишет Евгений Пермяк¹. Рисуя труд и быт своих героев, П. П. Бажов особое внимание уделяет их речевой характеристике, в то же время, показывая органичную языковую связь рассказчика и героев сказа, как будто звучит ёмкий, сочный, выразительный живой разговорный народный язык. Здесь переплетаются

разговорные (тамошний, брякнуться, зазорно, дескать, мастак, подходящий, свихнуться «сбиться с правильного жизненного пути», управа «возможность сладить, управиться с кем-нибудь, чем-либо», ухватка «манера поведения, обращения, телодвижений», оплошать, утомону нет, бобыль «одинокий человек», дошлый, загорбок, мешкотный, лебезить и др.),

просторечные (боязно, обмозговать, страшенный, вдосталь, гулянка «небольшая пирушка», брать на испуг «заставить действовать под угрозой», прикончить «умертвить, добить», хапнуть, вихляться «кривляться, вертеться, дёргаться», даровщинка, заварушка, костерить «бранить», кумекать «соображать, понимать», мараковать «понимать», оплести «обмануть», пособить, поспрошать, скорёхонько, супротивничать и многие др.),

устаревшие просторечные (сказывать «рассказывать», бунтоваться «бунтовать», кофей «кофе», погибельный «гибельный»),

устаревшие (ведомый «известный», вестовщик «вестник», неписанный «неописуемый», постеля «постель», приспешник «помощник, служитель», приставник «тот, кто приставлен к кому-, чему-либо для надзора, охраны и т. п.),

диалектные, исторически сложившиеся и территориально ограниченные элементы на уровне

фонетики (выпадение интервокального j в стяжённых формах прилагательных: баска, каки, вольны-то старатели);

морфологии (наличие большого количества бесприставочных многократных глагольных образований: сиживать, говаривать, рабатывать, понашивать, не видывал, бивали, дельвать; золотишко нахаживал, не раз Василию говаривала, ну и Катя без дела не сиживала (Хрупкая веточка), мастерица не раз говаривала, и мать по камню рабатывала (Хрупкая веточка), это в ту пору так дельвали (Про Великого Полоза), не один раз его бивали (Змеинный след), сколько раз по этим местам бывал, а такого ложочка не видывал (Синюшкин колодец), случалось, в одном месте рабатывали (Тяжёлая витушка), так, золотишко нахаживал (Тяжёлая витушка) и др. Эти и подобные им глаголы обладают способностью указывают на повторяемость действия в прошлом; широкое употребление существительных муж. рода типа дедушко, парнишко, которое предполагает переход их ко II склонению: давно его в завод сманивали, да дедушко не отпускал; поглядел дедушко Бушуев на Фуйкину саблю, аж крякнул и похвалил (Иванко Крылатко);

диалектных форм местоимений: огромнейшая под всюю гору шла (Дорогое имечко), и в туе же минуто Азов-гора замкнулась (Дорогое имечко);

синтаксиса: употребление постпозитивной частицы - **то**, употребление подчинительного союза **как** в значении «когда»:

Для воздуху его девка-то туда притащила, как он вовсе слабый стал (Дорогое имечко); как весна пришла, побежали к старой берёзе (Огневушка-поскакушка), как темно стало, шапку зимнюю надел, взял яички и полез к гушишке, которая на гнезде сидела (Ермаковы лебеди), да ещё бабушку Ульяну подшибли, как она на гору с вёдрами шла (Ермаковы лебеди), как зима в полную силу вошла, стали они в лес собираться (Серебряное копытце), как Настасья уехала, Танюшка побегала много-мало по хозяйству и забралась в избу поиграть отцовскими камешками (Малахитовая шкатулка);

союза **потому** в соответствии с **потому что:** сельцо малое, а городом называлось, потому крепко было огорожено (Ермаковы лебеди), ..., да и весной в лесу мудрено прятаться, - потому след сдалека видно (Ермаковы лебеди);

предлога **о** в сочетании с именем существительным в предложном падеже с временным значением: как раз о празднике дело было (Марков камень) и др.

Многочисленны факты использования в сказах диалектических слов, относящихся к различным тематическим группам и имеющим в большинстве случаев северорусский ареал: аржанина «ржаной хлеб», бельмень «непонимающий, бестолковый человек», гаметь «кричать, громко разговаривать, шуметь», гордыбака «гордый человек, любящий похвалиться», дурмашек «малоценный камень-кристалл горного хрусталя», здыморыльничать «вести себя кичливо», намятыш «сильный, крепкий, здоровый человек», пантюха «неповоротливый, несообразительный человек», пескомой «золотоискатель», пировля «пир, пирушка», убойца «убийца», хита «воровство, расхищение», хитник «расхититель, вор», чирла «яичница», щегарь «штейгер», яга «шуба мехом наружу» и мн. другие. Несомненный интерес представляют диалектизмы, зафиксированные в «Словаре русских говоров Среднего Урала» и «Словаре русских народных говоров» (СРНГ) на основе только сказов П. П. Бажова см. жженопятаки «прозвище рабочих горячих цехов в дореволюционной время (которые носили валенки с подвязными деревянными колодками, чтобы предохранить ноги от ожогов)», занюхтить «обнюхать, ища кого-, что-либо», и протча «и всё другое, и тому подобное», малахитина «кусок малахита», малахитница «фантастическое существо в образе девушки, живущей в залежах малахита и охраняющей их от злого человека», почихота «неудержимое чиханье», прикармливание «тот, кто прикармливался у кого-либо и пользовался его расположением, любимец», рыкало-зыкало «злой, говорящий грубо и отрывисто человек» и др.

Некоторые уральские диалектные слова, представленные в сказах, отмечены в «Словаре русских народных говоров», но отсутствуют в «Словаре говоров Среднего Урала»: вчиковку (удар.?) «впору, в меру». Шадр. Перм. Луканин, 1856 (СРНГ, II, 241); дурмашек «малоценный камень-кристалл горного хрусталя». Урал, 1936 (СРНГ, VIII, 268); кразелит «хризолит». Урал, 1936 (СРНГ, XV, 162); надаля «издали; вдаль». Привык, слышь, надаля глядеть. Бажов, Малахитовая шкатулка (СРНГ, XIX, 222); наигрыш «фальшь» Урал., сказы Бажова ? Наигрыш вести «хитрить, фальшивить». Будет тебе наигрыш вести. Урал., Сказы Бажова (СРНГ, XIX, 294); нюхтило «нос»? Соваться нюхтилом «совать нос, вмешиваться во что-либо». Неповадно будет своим нюхтилом в наши дела соваться. Урал., Бажов (СРНГ, XXI, 330); обжаднеть «проявить жадность»? Обжаднеть на что-либо «позариться на что-либо, позавидовать чему-либо. Видно, обжаднела Сочнева-то баба на богатство. Урал., Бажов (СРНГ, XXII, 42).

Имеются случаи, когда использованное П. П. Бажовым в сказе слово не зафиксировано в словарях при наличии в них однокоренных образований: **грабастенький** - Небольшая ватажка - пеши пришли, а вожак, видать, грабастенькой попался (Дорогое имечко).

Ср. **грабастень, грабастой** «обогащающийся, наживающийся любыми путями, хапуга» (СГСУ, I, 124; СРНГ, VII, 103); **всамделе** - Тогда и увидим, пустяшный твой разговор или всамделе что на пользу есть (Огневушка-поскакушка). Ср. **всамделишний** с пометой «разговорное» — «такой, какой бывает на самом деле; настоящий (обычно в речи детей или шутливо)»; **всамделишно, по-всамделишному** «по-настоящему» (ССРЛЯ, II, 561) и др.

С пометой «сибир.» в ДО, 68 зафиксировано слово **золотина** «самородный кусок золота, золотая крупинка», представленное только в БАСе (IV, 1312) с пометой «разговорное» и с иллюстрацией из «Малахитовой шкатулки». Лексема **зарукавье** «старинный браслет, надевавшийся поверх рукава» отмечена в нормативных словарях русского языка (БАС, IV, 862, МАС, I, 568) с иллюстрацией из сказа «Каменный цветок».

Сам П. П. Бажов говорил: «В словарях слово неподвижно. Слушаю его в повседневной речи, ищу в книгах, в действии, в жизни. Интересуют меня слова известные, но забытые в литературном языке. Я их очень ценю и подбираю»².

Частотными в сказах являются разнообразные тавтологические сочетания типа: голым-голешенька, один-одинёшенек и др., имеющие функцию усиления; пары слов, в составе которых второе нередко уточняет, дополняет содержание первого: хохочет-заливается, поют-радуются, стонет-кричит, руками-ногами, братья-сестры, рыжий-бесстыжий, намазаная-сухая, шубейка-ветродуйка, речки-старичицы, ребятишки-мелочь, в избе-сенях, чашки-ложки, нюхалка-наушник, рыкало-зыкало, тонцы-звонцы и др.

Образность народного мышления находит отражение во множестве пословиц, фразеологизмов, рассеянных в сказах П. П. Бажова:

Деньги чего не делают! Узнает тогда, в котором месте заря с зарёю сходится. Узнает! (Таюткино зеркальце)

С горя не лук же тереть (Таюткино зеркальце)

С такой по ненастью солнышко светует (Змеиный след)

А того не пестом, ни крестом с дороги не своротишь (Иванко Крылатко)

Денежка похуже барской плётки гонит (Дорогое имечко)

У нас, говорит, такого обычая нет, чтобы хлеб за брюхом ходил (Малахитовая шкатулка)

Только золото, оно и золото. Хоть веско, а само кверху идёт. Его, видишь, первым делом разменять требуется. Тут они оха и поймали (Дорогое имечко).

Сам П. П. Бажов так шутливо говорил о своём творчестве: «Над словом работаю... Работа у меня ювелирная...»

Зная его огромную работу над словом, вспоминаешь риторический вопрос Е. Пермяка, адресованный нам, читателям: «Как вам кажется – зря ли, случайно ли, просто ли так, молодой Бажов, колеся по Уралу, записывал народные речения, пословицы, сказания, сюжеты? Делая это из года в год, обычно летом, он составил множество таких записей. Не для заполнения же ящиков письменного стола вёл он эту длительную словесную поисковую работу»³.

Говоря о речевой мозаике сказов долговекового мастера, писатель отмечает: «Это мой кровный, родовой бабушкин язык, со всеми его переливами и затейливой вязью изысканных и отборных сочетаний. А я-то думал... А я-то думал, что булатное острословие народных речений, алмазная россыпь сказительских присловий, весёлое устное краснобайство канули навсегда в

никуда, заменившись новой, деловой печатной речью. А они, оказывается, всего лишь дремали в летаргическом полусне, слегка припорошённые рыхлым слоем общепринятой фразеологии широкого употребления»⁴.

¹Пермяк Е. Долговекий мастер. М., 1978. С. 91.

²Касаркин В. В. «Над словом работаю...» // Русская речь. 1979. № 1. С. 15.

³Пермяк Е. Долговекий мастер. М., 1978. С. 43.

⁴Там же. С. 6-7.